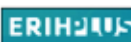
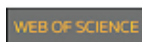

Киселева И. А. Особенности поэтического экфрасиса в стихотворении А. С. Пушкина «Полководец» (1835): от черновика к беловику / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 240—253. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-240-253.

Kiselyova, I. A., Potashova, K. A. (2021). Features of Poetic Ecphrasis in A. Pushkin's Poem "The Commander" (1835): from Draft to Clean Copy. *Nauchnyi dialog*, 4: 240-253. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-240-253. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-240-253

Особенности поэтического экфрасиса в стихотворении А. С. Пушкина «Полководец» (1835): от черновика к беловику

Киселева Ирина Александровна

orcid.org/0000-0002-9629-0035

ResearcherID V-4311-2019

доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой русской
классической литературы
ia.kiseleva@mgou.ru

Поташова Ксения Алексеевна

orcid.org/0000-0002-0164-0371

ResearcherID Y-9252-2018

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской классической
литературы
kseniaslovo@yandex.ru

Московский государственный
областной университет
(Москва, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-78-00118 «Визуализация художественного образа в русской поэзии конца XVIII — первой трети XIX века»

Features of Poetic Ecphrasis in A. Pushkin's Poem "The Commander" (1835): from Draft to Clean Copy

Irina A. Kiselyova

orcid.org/0000-0002-9629-0035

ResearcherID V-4311-2019

Doctor of Philology, professor,
Head of Department,
Department of Russian Classical Literature
ia.kiseleva@mgou.ru

Ksenia A. Potashova

orcid.org/0000-0002-0164-0371

ResearcherID Y-9252-2018

Phd in Philology, associate professor
Department of Russian Classical Literature
kseniaslovo@yandex.ru

Moscow Region State University
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 19-78-00118 "Visualization of the artistic image in Russian poetry of the late 18th — first third of the 19th century"

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность поставленной проблемы связана с необходимостью уточнения особенностей пушкинского живописного экфрасиса. Впервые обозначено, что своеобразие экфрасиса в стихотворении «Полководец» определено его одическим жанровым содержанием, характеризующимся пластичностью, калейдоскопичностью, пространственной объемностью. Через сопоставление черновиков и беловика стихотворения «Полководец» определена роль лексической и грамматической семантики, семантики синтаксических конструкций в визуализации словесного образа и вербализации живописного артефакта. Особое внимание уделено глаголам со зрительным и ментальным значением, создающим эффект присутствия, эффект зрительных аллюзий, эффект ожившей картины, создающим психологический портрет героя. Обозначается роль наречий и указательных местоимений с дейктической семантикой, способствующих созданию эффекта присутствия и служащих средствами обозначения пространственных координат. Акцентируется роль приема движения и приема контраста в создании иллюзии зрительно воспринимаемого образа. Посредством аналитического разбора экфрасиса стихотворения «Полководец» представлена пушкинская концепция образа генерала М.Б. Барклая-де-Толли, который предстает как отвергнутая толпой и неоцененная по достоинству героическая личность. Выдвигается гипотеза о том, что посредством вербализации портрета работы Дж. Доу Пушкин канонизирует в сознании читателя героя Отечественной войны 1812 года, поэтически преображая его портрет в икону.

Ключевые слова:

художественный образ; экфрасис; поэтика зрительного; А. С. Пушкин; Барклай де Толли.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The urgency of the matter is associated with the need to clarify the features of Pushkin's pictorial ecphrasis. For the first time it is indicated that the originality of the ecphrasis in the poem "The Commander" is determined by its odic genre content, characterized by plasticity, kaleidoscopicity, and spatial dimensionality. The role of lexical and grammatical semantics, semantics of syntactic constructions in the visualization of the verbal image and the verbalization of the pictorial artifact was determined by comparing the drafts and the clean copy of the poem "The Commander". Particular attention is paid to verbs with visual and mental meaning, creating the effect of presence, the effect of visual allusions, the effect of a revived picture, creating a psychological portrait of the hero. The role of adverbs and demonstrative pronouns with deictic semantics, contributing to the creation of the effect of presence and serving as a means of designating spatial coordinates, is indicated. The role of reception of movement and reception of contrast in creating the illusion of a visually perceived image is emphasized. Through an analytical analysis of the ecphrasis of the poem "The Commander", Pushkin's concept of the image of General M. B. Barclay de Tolly, who appears as a rejected and unappreciated heroic figure by the crowd. The hypothesis is put forward that by verbalizing the portrait of the work of J. Dow, Pushkin canonizes in the mind of the reader the hero of the Patriotic War of 1812, poetically transforming his portrait into an icon.

Key words:

artistic image; ecphrasis; the poetics of the visual; A. S. Pushkin; Barclay de Tolly.

Особенности поэтического экфрасиса в стихотворении А. С. Пушкина «Полководец» (1835): от черновика к беловику

© Киселева И. А., Поташова К. А., 2021

1. Введение

В 1830-х годах А. С. Пушкин был частым посетителем выставок и частных живописных коллекций, мастерских художников. В стихотворении «Полководец» (1835) переданы впечатления поэта от посещения Военной галереи Зимнего дворца, уникального мемориального зала, созданного в честь победы русской армии над Наполеоном в благодарность участникам войны и в назидательность потомкам. В галерее представлены 329 погрудных портретов генералов, 4 портрета главнокомандующих, выполненные в полный рост, и 3 конных портрета — император Александр I и его союзники, прусский король и австрийский император, все они выполнены английским художником Джорджем Доу по заказу Императора Николая I. Центральное место в стихотворении отведено описанию впечатления от ростового портрета генерала М. Б. Барклая-де-Толли. Генерал представлен на фоне Монмартрских высот накануне взятия Парижа в 1814 году (как и на других полотнах, изображение приурочено к тому моменту военных действий, который признан важнейшим для полководца).

2. Стихотворение А. С. Пушкина «Полководец» в оценках современников

Поэтические достоинства стихотворения были высоко оценены уже в первых откликах после публикации стихотворения в «Современнике» [Пушкин, 1836, с. 192—194]. Характер этих откликов отвечает идеям литературной критики 1830-х годов, в которой подчеркивалось реалистическое начало пластичных образов, созданных Пушкиным. Журнал «Северная Пчела» известил о выходе в свет нового тома пушкинского «Современника» 15 октября 1836 года, в этом же извещении дан один из первых откликов на стихотворение «Полководец», которое названо одним «из лучших свидетельств, что гений нашего поэта не слабеет, не вянет, а мужается и растет, что Россия должна ждать от него много прекрасного и великого» [Извещение о публикации ..., 1836, с. 1]. В письме к П. А. Вяземскому

А. И. Тургенев восторженно отметил: «Барклай — прелесть!» [Остафьевский архив ..., 1899—1913, т. III, с. 334]. Созвучные слова восхищения находим и у Н. В. Гоголя в письме к Н. Я. Прокоповичу (25 января 1837): «Где выберется у нас полугодие, в течение которого явились бы разом две такие вещи, каковы “Полководец” и “Капитанская дочь”» [Гоголь, 1937—1952, т. XI, с. 85]. Развернутая характеристика «Полководца» дана в письме Н. И. Греча к Пушкину: «Этим стихотворением, образцовым и по наружной отделке, вы доказали свету, что Россия имеет в вас истинного поэта, ревнителя чести, жреца правды, благородного поборника добродетели, возносящегося светлым ликом и чистою душою над туманами предрассудков, поверий и страстей, в которых коснеет пресмыкающаяся долу прозаическая чернь» [Пушкин, 1937—1959, т. XVI, с. 163—164]. В ответе Гречу Пушкин повторил свой восторженный отзыв о Барклае: «Стоическое лицо Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории. Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства; но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения» [Пушкин, 1937—1959, т. XVI, с. 163—164]. За однозначно восторженными откликами на стихотворение последовали и критические суждения, как то посвященные пушкинскому произведению страницы дневника Л. И. Голенищева-Кутузова, наметившие полемику вокруг образа полководца, см. подробнее: [Черейский, 1966, с. 56—58].

3. Общая дескрипция рукописи и история текста стихотворения

А. С. Пушкина «Полководец»

Процесс создания произведения, отражающего историческую концепцию образа генерала М. Б. Барклая-де-Толли, был долгий, о чем свидетельствуют черновые рукописи поэта. В связи с наличием нескольких черновиков «Полководца», обнаруженных в разное время, основной круг проблем в изучении этого стихотворения связан с текстологическим анализом. Известны две полные рукописи «Полководца»: черновик и перебеленная рукопись. Черновик написан в альбоме 1833—1834 годов (тетрадь № 2344, РГБ) на листах 282 об.—252 об. и имеет заголовок «Барклай де Толли» (заголовок предваряет стихотворение, подчеркнут), в конце стихотворения обозначена дата: «7 апреля 1835 Светл. Воскр.» (первоначальное *6 апреля* исправлено на *8 апреля*, затем на *7 апреля*). В рабочей тетради № 2382 записаны не вошедшие в черновик из альбома стихи 56—57 («О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха! // Жрецы минутного, поклонники успеха!»). Перебеленная рукопись имеет иное заглавие — «Полководец», в конце сделана помета с датой: «7 апр. 1835 Св. воскр. С. П. Б. мятель и мороз» [Мануйлов и др., 1939, с. 142]. На наличие двух разных

черновых автографов впервые указал Н. О. Лернер [Лернер, 1915, с. 476], транскрипция обоих черновых вариантов была сделана В. А. Мануйловым и Л. Б. Модзалевским, обратившимися к стихотворению как предмету текстологического анализа [Мануйлов и др., 1939, с. 125—164]. С. М. Бонди на материале рукописей «Полководца» изучал особенности пушкинских описок: «Любопытен случай описки, когда в торопливом письме одно слово разрывается на две части: рука уже спешит двигаться вправо для нового слова, а пальцы еще дописывают прежнее слово. Пример в черновике “Полководца” в “Альбоме 1833—1835 гг.”» [Бонди, 1931, с. 175]. Однако, несмотря на проведенную исследователями текстологическую работу, сопоставлений черновиков и беловика с целью выявления механизмов создания зримого художественного образа сделано не было.

Первая публикация стихотворения в журнале «Современник» датируется 1836 годом — в сравнении с черновыми рукописями в печатный текст была внесена правка в поэтическое описание портрета Барклая-де-Толли, вызванная «несомненно художественными соображениями» [Мануйлов и др., 1939, с. 148]. Кроме того, в процессе подготовки текста к публикации Пушкин полностью отказался от чернового и белового варианта 56—59 стихов, посвященных М. И. Кутузову. Этот отказ от публикации фрагмента породил полемику исследователей, пытавшихся объяснить причины замены стихов. Если Н. О. Лернер объяснял замену чернового варианта цензурными соображениями, то Ю. Н. Тынянов полагал, что правку Пушкина объясняет принцип художественной целесообразности [Тынянов, 1934, с. 324]. Смысловую нагрузку пропущенного отрывка в контексте всего поэтического замысла, а также причины его исключения из белового текста объяснял и В. П. Старк, считавший, что «изменение в стихотворении следует признать вынужденным сложившейся ситуацией, а не совершенным по соображениям художественного порядка» [Старк, 1988, с. 157]. На существование еще одной рукописи стихотворения, выполненной чернилами набело без единой правки в альбоме Великой Княгини Елены Павловны, указала Н. Н. Петрунина, полагавшая, что эта обнаруженная в 1969 году запись сделана поэтом уже после первой публикации стихотворения в ходе возможной возникшей дискуссии между поэтом и княгиней.

Однако при значительном внимании к истории текста «Полководца» остаются недостаточно изученными возможности текстологии как одного из инструментов понимания произведения и вскрытия механизмов рождения художественного образа, а между тем именно текстологический метод важен для «понимания творческого гения поэта, способствует адекватной реконструкции его картины мира» [Киселева и др., 2020, с. 401].

4. Особенности поэтического экфрасиса стихотворения

А. С. Пушкина «Полководец» в связи с его жанровым содержанием

Рассматривая стихотворение «Полководец», нельзя не отметить его близость к одическому жанру, проявляющуюся в выборе объекта поэтического интереса — героической фигуры знаменитого полководца, — монологичном построении, «в котором реализуется высокое духовно-нравственное начало текста» [Киселева, 2012, с. 186], композиционном и стилистическом своеобразии. Кроме того, что стихотворение «Полководец» являет собой характерное для оды воспевание героя, оно строится по ее классическим канонам: приступ (с 1 по 21 стих), рассуждение (с 22 по 55 стих), эмоциональное заключение (с 56 по 61 стих). «Беспорядок лирический» [Державин, 1864–1871, т. VII, с. 539], который в оде на самом деле всегда логичен и заключается в том, что «лирик в пространным кругу своего светлого воображения видит вдруг тысячи мест, от которых, чрез которые и при которых достичь ему предмета, им преследуемого; но их нарочно пропускает или, так сказать, совмещает в одну совокупность, чтоб скорее до него долететь» [Там же, т. VII, с. 540], также в тексте «Полководца» присутствует в полной мере. Пушкин в этом стихотворении, несмотря на его романтический пафос и основную идею противостояния личности и толпы, в формальном отношении выступает наследником классицистической традиции с ее культом разума. Именно об этом наследии, напрямую не указывая на связь с жанром оды, говорит Пумпянский в своей статье «О принципе исчерпывающего деления»: «Уметь анализировать и перечислять в порядке есть главное дело ума. Глупость, опуская все возможные причины, прямо попадает в единственно верную и на вопрос: почему пир в Петербурге? — прямо отвечает: потому что царь мирится с Меншиковым. Это примитивизм. У Пушкина 7 возможных причин и 8-я верная» [Пумпянский, 1982, с. 209].

Особенно явственно «принцип исчерпывающего деления» наблюдается в первой части «Полководца» (в приступе). Кажущееся вольное перечисление отрицания того, чего нет ни в одной из палат царских чертогов, на самом деле определяется точным перечислением тех ценностей, которые есть в других палатах, и таким образом создается ощущение безусловной ценности Военной галереи. Перечислительные конструкции с семантикой отрицания лишь на первый взгляд могут показаться случайными. Перечисляются различные (в том числе противоположные) ценности: власть и богатство («не золотом, не бархатом богата» [Пушкин, 1937–1959, т. III, с. 378], а в черновике — «не в ней поставлен трон под балдахином» [Там же, т. III, с. 956]), государственность («не в ней алмаз венца хранится за стеклом» [Там же, т. III, с. 378], в черновике — «алмазный скифтр

не в ней хранится за стеклом» [Там же, т. III, с. 956]), возвышенная чистота («ни девственных мадон» [Там же, т. III, с. 378], в черновике — «ни святости мадон» [Там же, т. III, с. 956]), наслаждение жизнью («ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен» [Там же, т. III, с. 378]) и т. д. Но наряду с этим перечисления указывают на реальные комнаты в Зимнем дворце, в которых находятся сокровища. Чтение черновика позволяет восстановить привязку образов к артефактам: вероятно, когда Пушкин пишет о «святости мадон», то имеются в виду картины Рафаэля и Тициана; в черновике: на «флоренти<нских> жен», на «фавнов Рубенса» [Там же, т. III, с. 956]. Если в черновике прямо указано на тронный зал («поставлен трон под балдахин<ом>» [Там же, т. III, с. 956]), на алмазную кладовую («алмазный скифтр... под стеклом» [Там же, т. III, с. 956]), в которой за хрустальным куполом хранятся символы Царской власти (скипетр, венец, держава), носящие «знаковый характер» и выполняющие «сакральную функцию» [Киселева, Поташова, 2018, с. 38], то в беловике все это представлено более лаконично («алмаз венца хранится за стеклом» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 378]), но в этой лаконичности реальность все равно узнаваема, она предстает стройным калейдоскопом картинок, воскрешающих в зрительной памяти залы Зимнего дворца. Именно одическая направленность стихотворения во многом определила механизмы создания зримо-осязаемого образа. Рассуждая об оде как лирической поэзии, Г. Р. Державин отмечал, что «в превосходных лириках всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство» [Державин, 1864—1871, т. VII, с. 523].

5. Механизмы визуализации пространства в стихотворении А. С. Пушкина «Полководец»

Начинает поэт с того, что обозначает пространственные границы своего будущего предмета описания — «У русского царя в чертогах есть палата...» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 378], тем самым уже сближая свой словесный опыт с искусством визуальным, так как именно «пространства — область живописца» [Лессинг, 1957, с. 210]. Этот принцип — представление пространства — действует на протяжении всего текста: как при описании всей палаты («Но сверху до низу, во всю длину, кругом...» (4 стих), «Тут нет ни сельских нимф...» (7 стих), «Сюда начальников народных наших сил...» (12 стих), «Меж ими я брожу...» (15 стих) [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 378—379]), так и при описании портрета Барклая («Там грусть великая. Кругом — густая мгла...» (29 стих), «За ним — военный стан» (30 стих), «Там устарелый вождь!» (52 стих) [Там же, т. III, с. 378—380]). Средствами выражения пространственных координат выступают наречия и указательные местоимения, содержащие в себе дейкти-

ческую семантику, способствующую созданию эффекта присутствия. Относительно черновика пространственные характеристики претерпевают минимальные изменения. В частности, меняется 4 стих. Если в черновике взгляд наблюдателя был направлен «с низу до верху» (в двух вариантах черновика [Там же, т. III, с. 956]), то в беловике оптическое движение меняется: взгляд теперь идет «сверху до низу» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 378]. Логично, что эта мена произошла под влиянием описанного ниже портрета Баркляя, при рассмотрении которого Пушкина прежде всего привлекает «чело». Именно оно — «чело, как череп голый», расположенное на темном фоне — «густая мгла» [Там же, т. III, с. 379], — выступает сигнальной точкой зрительного восприятия, что оказывается созвучным и высокому одическому стилю, и собственно семантике героического образа, сосредоточившего в себе блестящий ум и высоконравственный характер. В окончательном варианте пространственного видения соблюдается первичность направленности оптического вектора сверху вниз, подразумевающей панорамность видения.

Визуализации создаваемого образа способствует и используемый Пушкиным прием движения, создающий иллюзию пребывания в описываемом месте. Этим приемом начинается — «Нередко медленно меж ими я брожу...» (15 стих) [Там же, т. III, с. 378] — и продолжается — «Всегда остановлюсь пред ним...» (24 стих) [Там же, т. III, с. 378] — основная часть стихотворения, связанная с описанием портрета и рассуждением о личности полководца. Описание движения претерпевает от черновика к беловику некоторые изменения. Если в беловом варианте 15 стиха Пушкин избирает для характеристики своего пребывания в Военной галерее наречие образа действия «нередко» и качественное наречие «медленно», то в черновых вариантах средством характеристики посещения являлись наречие образа действия «часто» и качественное наречие «в тишине» [Там же, т. III, с. 957]. Данная мена, с одной стороны, не столь принципиальна, так как смысл кардинально не меняется и связан с выражением особого интереса к объекту любования, но, с другой стороны, уточнение способствует переносу акцента на возможность наглядного представления действия: увидеть медленное движение естественнее, чем увидеть тишину. Замена наречия «часто» синонимичным наречием «нередко» обусловлена стремлением поэта к высокому стилю и отказом от возможных оттенков суетности движения, присущих наречию «часто». В беловике Пушкиным создается зрительная величественность движения, которая достигает своей вершинности в окончательном варианте 24 стиха. Если в черновиках 24 стиха для характеристики своего движения у картины поэт использует форму глагола несовершенного вида («всегда стою пред ним», «останов-

ляюсь я пред ним» [Там же, т. III, с. 957]), то в беловике преимущество отдается глаголу совершенного вида («всегда остановлюсь пред ним» [Там же, т. III, с. 379]). Появившийся перфектив «сочетается с обстоятельством времени, и в этом контексте отменяется идея актуальности состояния в момент речи» [Падучева, 2010, с. 250], но при этом актуализируется длительно повторяющееся присутствие в конкретном месте мемориального зала, то есть представлено именно пространство, что способствует возникновению зрительных аллюзий. Появившееся живописное тяготение усиливается однородным сказуемым, выраженным зрительным глаголом («...не свожу // С него моих очей» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 378]) с ментальной коннотацией, таким образом, зрительное восприятие оказывается неотделимо от собственно размышления, само же зрение выступает процессом, «уникальность которого связана с возможностью познания человека» [Поташова, 2020, с. 261].

6. Механизмы вербализации «Портрета М. Б. Барклая-де-Толли» (1829) Дж. Доу в стихотворении А. С. Пушкина «Полководец»

Пушкинский экфрасис портрета Барклая отличается лаконичностью и точностью. Непосредственному описанию полотна отведены лишь 27—31 стихи. Для описания поэт использует короткие предложения, создающие череду зрительных образов. Пушкин определяет тип портрета («он писан во весь рост» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 379]), его пространственный смысловой центр («чело, как череп голый, // Высоко лоснится» [Там же, т. III, с. 379]), композицию картины («кругом — густая мгла», «за ним — военный стан» [Там же, т. III, с. 379]). Собственно экфрасис портрета Барклая являет собой риторическую фигуру, в основе которой лежит воссоздание существующего артефакта, «непосредственное изображение конкретного объекта» [Ходель, 2002, с. 23]. Портрет Барклая служит для Пушкина средством постижения тайны личности Барклая. В 32—35 стихах «Полководца» поэт посредством развернутого рефлексивного вопроса («Свою ли точно мысль художник обнажил...» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 379]) переходит от «воспроизведения воспроизведения» [Фрейденберг, 1998, с. 250] к постижению самой личности изображенного. При достаточно точной передаче общего содержания картины Дж. Доу, Пушкин привносит в свой поэтический экфрасис опыт лицезрения живописных полотен Рембрандта (см. подробнее: [Поташова, 2016]), знаковым для которых является прием высокого контраста между светом и тенью («чело... высоко лоснится» — «кругом — густая мгла»), тогда как в полотне Дж. Доу контраст кажется более мягким. Возможно, что опыт восприятия рембрандтовских картин с их напряженным психологизмом определяет и просвечивание мо-

тива «оживления картины»: «глядит с презрительною думой» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 379].

В процессе работы над указанными стихами Пушкин отказывается от именовании Барклая: если в черновике встречаются такие номинации, как «несчастный Вождь», «таинственный старик», «возвышенный старик», «старик угрюмый», «стар<ец> хладн<ый>» [Там же, т. III, с. 957], то в беловике поэт производит их замену на местоимение «он», что характерно для поэтического и ораторского стилей и активно используется в жанре оды, где «элементы поэтического слова» предстают «конструированными под углом ораторского действия» [Тынянов, 1977, с. 230]. Отказ Пушкина от именовании Барклая не имеет абсолютного характера. В 36 и 52 стихах поэт называет его вождем. В 36 стихе Пушкину важно обозначить положение Барклая в обществе, определившее выбор его личности как объекта изображения, и его трагедию: «О вождь несчастливый!» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 379]. В 52 стихе именование выполняет функцию подчеркивания героического характера Барклая, его отваги, при помощи сравнения создается яркий контрастный образ истинного воина: «Там устарелый вождь! Как ратник молодой» [Там же, т. III, с. 379]. Сравнение с молодым ратником актуализирует зрительное воображение читателя, поддерживаемое диалогом-представлением поэта с полководцем: «бросался ты в огонь» [Там же, т. III, с. 379].

Эффект ожившей картины влечет за собой остро прочувствованные размышления над трагической личностью Барклая, которая предстает в романтическом ореоле непонятого героя: «в молчанье шел один» [Там же, т. III, с. 379]. Как отмечал С. Л. Франк, в «Полководце» Пушкин «заключает свое размышление над трагической судьбой непонятого и отвергнутого общественным мнением военного гения Барклая де Толли» [Франк, 1957, с. 47–48]. Г. М. Кока, размышляя над созданным Пушкиным образом генерала Барклая де Толли, точно указал: «В „Полководце“ Пушкин прославляет не военные заслуги Барклая и правильность его стратегической линии — все это полагается несомненным и не требующим доказательств, — но его нравственный подвиг» [Кока, 1969, с. 34]. Пушкин много работает над стихами, характеризующими конфликт личности и толпы, при этом противопоставляет «посюстороннему земному тщеславию <...> небесный ориентир» [Есаулов, 2021, с. 97], косвенно уподобляя Барклая самому образу Христа, что особенно очевидно при внимании к черновикам, в которых стоит помета, связанная с датой завершения стихотворения — «7 апреля 1835 Светл. Воскр.». Дата завершения стихотворения имеет изменения, значима дата мены — первоначальное 6 апреля исправлено на 8 апреля, затем на 7 апреля. Пасха в 1835 году приходилась как раз на 7 апреля, тогда как, скорее всего, работа над черновиком шла еще и 8 апреля (6 апреля,

вероятно, поэт подошел к завершению одного из вариантов текста). В первой публикации Пушкин не ставит дату завершения стихотворения, но подспудно образ Христа в тексте присутствует. На него указывают мотив спасения («народ, таинственно спасаемый тобою» [Пушкин, 1937–1959, т. III, с. 379]), мотив поругания («ругается слепой и буйный век» [Там же, т. III, с. 379]), мотив смирения («безмолвно уступить и лавровый венец» [Там же, т. III, с. 379]). Используемые в заключительной части стихотворения по отношению к образу Барклая характеристики («высокий лик») и вербально выраженные впечатления от него («в восторг и в умиление») отсылают читателя от портрета к иконе. Посредством вербализации портрета работы Дж. Доу Пушкин преобразует его в иконичный образ, канонизируя в сознании читателя героя Отечественной войны 1812 года.

7. Выводы

Стихотворение Пушкина «Полководец» представляет собой размышление о трагической судьбе генерала М. Б. Барклая-де-Толли, способное создать в читательском восприятии иллюзию присутствия в залах Зимнего Дворца и лицезрения самого портрета. По силе зрительного эффекта «Полководец» относится к одному из самых ярких пушкинских текстов, собственно только «Полководец», «Мадонна» и черновой набросок «Везувий зев открыл...» являют собой чистый экфрасис живописного произведения, притом в «Полководце» экфрасис предстает самым объемным, развернутым, вобравшим в себя практически все возможные механизмы создания иллюзии зрительного восприятия в поэтическом тексте. Своеобразие экфрасиса в стихотворении «Полководец» определено его одическим жанровым содержанием, характеризующимся пластичностью, калейдоскопичностью, пространственной объемностью. Посредством создания живописного экфрасиса Пушкин разворачивает перед читателями собственную концепцию образа генерала Барклая-де-Толли, который предстает как отвергнутая толпой и неоцененная по достоинству героическая личность.

Источники

1. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 томах / Н. В. Гоголь. — Москва, Ленинград : Издательство АН СССР, 1937—1952.
2. Державин Г. Р. Сочинения : в 9 томах / под редакцией Я. К. Грота / Г. Р. Державин. — Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1864—1871.
3. Извещение о публикации стихотворения «Полководец» // Северная пчела. — 1836. — № 236 (15 октября). — С. 1.
4. Лессинг Г.-Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии / Г.-Э. Лессинг ; общ. ред. и примечания Г. М. Фридлендера. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1957. — 518 с.

5. *Остафьевский* архив князей Вяземских : в 8 томах / под ред. и с примечаниями В. И. Сaitова. — Санкт-Петербург : Шереметев, 1899—1913.

6. *Пушкин А. С.* Полководец / А. С. Пушкин // Современник. — 1836. — Т. III. — С. 192—194.

7. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 17 томах / А. С. Пушкин. — Москва, Ленинград : Издательство АН СССР, 1937—1959.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бонди С. М.* Новые страницы Пушкина : стихи, проза, письма / С. М. Бонди. — Москва : Мир, 1931. — 208 с.

2. *Есаулов И. А.* Каменноостровский цикл А. С. Пушкина как пасхальный текст : мимесис, парафрасис, катарсис (Статья первая) / И. А. Есаулов // Проблемы исторической поэтики. — 2021. — Т. 19. — № 1. — С. 88—123. — DOI: 10.15393/j9.art.2021.9002.

3. *Киселева И. А.* Роль событий войны 1812 года в формировании имперских настроений русского общества первой трети XIX века : к вопросу о патриотизме Лермонтова / И. А. Киселева // Вестник Московского государственного областного университета. — 2012. — № 4. — С. 182—187.

4. *Киселева И. А.* Проблема текстологического описания автографов М. Ю. Лермонтова из «Записной книжки В. Ф. Одоевского» (1841 г.) / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Canadian-american slavic studies. — 2020. — Т. 54. — № 4. — С. 387—402. — DOI: 10.30965/22102396-05404003.

5. *Киселева И. А.* Семантика и поэтика русского костюма в «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Проблемы исторической поэтики. — 2018. — Т. 16. — № 2. — С. 36—48. — DOI: 10.15393/j9.art.2018.5043.

6. *Кока Г. М.* Пушкин о полководцах двенадцатого года / Г. М. Кока // Прометей : историко-биографический альманах. — Москва : Молодая гвардия, 1969. — Т. 7. — С. 17—37.

7. *Лернер Н. О.* Примечания к стихотворению А. С. Пушкина «Полководец» / Н. О. Лернер // Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 6 томах : Библиотека великих писателей / под редакцией С. А. Венгерова. — Санкт-Петербург : Брокгауз-Ефрон, 1907—1915. — Т. VI. — 1915. — С. 476

8. *Мануйлов В. А.* «Полководец» Пушкина / В. А. Мануйлов, Л. Б. Модзалевский // Пушкин : Временник Пушкинской комиссии. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 125—164.

9. *Падучева Е. В.* Событийное и статальное значение глаголов совершенного вида в русском языке / Е. В. Падучева // Проблемы грамматики и типологии : сборник статей памяти Владимира Петровича Недялкова. — Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2010. — С. 240—252.

10. *Поташова К. А.* Поэтическая формула «я вижу» в творчестве К. Н. Батюшкова : творческое усвоение державинской традиции / К. А. Поташова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 258—271. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-258-271.

11. *Поташова К. А.* Влияние живописи на эстетический идеал русской литературы первой трети XIX века (А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / К. А. Поташова. — Москва : МГОУ, 2016. — 267 с.

12. Пумпянский Л. В. Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина Л. В. Пумпянский ; предисловие Н. И. Николаева // Пушкин : Исследования и материалы. — Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1982. — Т. 10. — С. 204—215.
13. Старк В. П. К истории создания стихотворения «Полководец» / В. П. Старк // Временник Пушкинской комиссии. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1988. — Вып. 22. — С. 149—158.
14. Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр / Ю. Н. Тынянов. — В книге : Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — Москва : Наука, 1977. — С. 227—252.
15. Тынянов Ю. Н. Пушкин и Кюхельбекер / Ю. Н. Тынянов // Литературное Наследство, кн. 16—18. — Москва : Жур.-газ. объединение, 1934. — С. 321—378.
16. Франк С. Л. Пушкин как политический мыслитель / С. Л. Франк. — В книге : Франк С. Л. Этюды о Пушкине / С. Л. Франк. — Мюнхен : [б. и.], 1957. — С. 28—57.
17. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. — Москва : Восточная литература, 1998. — 800 с.
18. Ходель Р. Экфрасис в русской литературе / Р. Ходель // Экфрасис в русской литературе : сборник трудов Лозаннского симпозиума / под редакцией Л. Геллера. — Москва : МИК, 2002. — С. 23—30.
19. Черейский Л. А. К стихотворению Пушкина «Полководец» / Л. А. Черейский // Временник Пушкинской комиссии, 1963. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1966. — С. 56—58.

MATERIAL RESOURCES

- Derzhavin, G. R. (1864—1871). *Works: in 9 volumes*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russ.).
- Gogol, N. V. (1937—1952). *Complete works: in 14 volumes*. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).
- Lessing, G.-E. (1957). *Laocoon, or the boundaries of painting and poetry*. Moscow: State Publishing House of Fiction. 518 p. (In Russ.).
- Notice of the publication of the poem "General"* (1836). In: *Northern Bee*, 236 (October 15), p. 1. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1836). *Commander. Contemporary, III*: 192—194. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1937—1959). *Complete works: in 17 volumes*. Moscow, Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).
- Saitov, V. I. (ed.). (1899—1913). *Ostafievsky archive of princes Vyazemsky: in 8 volumes*. St. Petersburg: Sheremetev. (In Russ.).

REFERENCES

- Bondi, S. M. (1931). *New pages of Pushkin : poetry, prose, letters*. Moscow: Mir. 208 p. (In Russ.).
- Esaulov, I. A. (2021). Pushkin's Kamennostrovsky cycle as an Easter text: mimesis, paraphrasis, catharsis (Article one). *Problems of Historical Poetics*, 19 (1): 88—123. DOI: 10.15393 / j9.art.2021.9002. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A. (2012). The role of the events of the war of 1812 in the formation of imperial sentiments in Russian society in the first third of the 19th century: Lermontov's patriotism. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 4:182—187. (In Russ.).

- Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2018). Semantics and poetics of Russian costume in the “History of the Russian State” by N. M. Karamzin. *Problems of historical poetics*, 16 (2): 36—48. — DOI: 10.15393/j9.art.2018.5043. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2020). Problem of textological description of M. Yu. Lermontov’s autographs from the “Notebook of V. F. Odoevsky” (1841). *Canadian-american slavic studies*, 54 (4): 387—402. DOI: 10.30965/22102396-05404003. (In Russ.).
- Koka, G. M. (1969). Pushkin about the commanders of the twelfth year. In: *Prometheus*. Moscow: Molodaya gvardiya. 7: 17—37. (In Russ.).
- Lerner, N. O. (1915). Notes to the poem by A. S. Pushkin’s “General”. In: Pushkin, A. S. *Collected works*. St. Petersburg: Brockhaus-Efron. VI: 476. (In Russ.).
- Manuylov, V. A. Modzalevsky, L. B. (1939). “The Commander” of Pushkin. In: *Pushkin: Vestnik of the Pushkin Commission*. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 4/5: 125—164. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2010). Eventive and static meaning of perfective verbs in Russian. In: *Problems of grammar and typology: a collection of articles in memory of Vladimir Petrovich Nedyalkov*. Novosibirsk: Siberian academic book. 240—252. (In Russ.).
- Potashova, K. A. (2020). Poetic Formula “I see” in K. N. Batyushkov’s Work: Creative Assimilation of the Derzhavin Tradition. *Nauchnyi dialog*, 8: 258—271. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-258-271. (In Russ.).
- Potashova, K. A. (2016). *The influence of painting on the aesthetic ideal of Russian literature in the first third of the 19th century (AS Pushkin and M. Yu. Lermontov): PhD Diss.* Moscow: MGOU. 267 p. (In Russ.).
- Pumpyansky, L. V. (1982). On the exhaustive division, one of the principles of Pushkin’s style. In: *Pushkin: Research and materials*. Leningrad: Science. Leningrad. department. 10: 204—215. (In Russ.).
- Stark, V. P. (1988). To the history of the creation of the poem “The Leader”. *Vestnik of the Pushkin Commission*. Leningrad: Nauka. Leningradskoye otdeleniye. 22: 149—158. (In Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1977). Oda as an oratorical genre. In: Tynyanov, Yu. N. *Poetics. Literary history. Cinema*. Moscow: Nauka. 227—252. (In Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1934). Pushkin and Kuchelbecker. In: *Literary Heritage*, book 16—18. Moscow: Zhur.-Gaz. association. 321—378. (In Russ.).
- Frank, S. L. (1957). Pushkin as a political thinker. In: Frank, S. L. *Sketches about Pushkin*. Munich. 28—57. (In Russ.).
- Freidenberg, O. M. (1998). *Myth and literature of antiquity*. Moscow: Eastern Literature. 800 p. (In Russ.).
- Hodel, R. (2002). Ekphrasis in Russian literature. In: Geller, L. (ed.). *Ekphrasis in Russian literature Proceedings of the Lausanne Symposium*. Moscow: MIC. 23—30. (In Russ.).
- Chereisky, L. A. (1966). To Pushkin’s poem “The Commander”. In: *Proceedings of the Pushkin Commission, 1963*. Leningrad: Science. Leningrad branch. 56—58. (In Russ.).